

Пролог

Пятница, вечер

Где-то за спиной гремят басы, кровь у меня в ушах пульсирует в унисон. Я смотрю на людей, которые остались поодаль. Разрисованные ярко-зеленым и тошнотворно-розовым тела трутся друг о друга. Из золотистых и зеленых бутылок пеной льется дешевое пиво, сбившиеся в компании друзья потягивают из аквариумов какую-то противную голубую жидкость. Чуть дальше танцоры крутят огненные обручи под бурные аплодисменты впечатленной — и крайне нетрезвой — толпы.

Вдруг все становится нечетким, как будто я выхожу из тела и наблюдаю со стороны. Неоновая какофония накладывается на музыку, которая превратилась в одну протяжную расплывчатую ноту, такую низкую и громкую, что в груди у меня все сотрясается. Мышцы отяжелели, и мне приходится напоминать

себе дышать: тело будто забыло, как нормально функционировать. Может, они добавили что-то в мой напиток, чтобы упростить себе задачу. Или, может, мне плохо потому, что я знаю. Понимаю, что времени все меньше.

Я оборачиваюсь к толпе и зову на помощь. Но это бесполезно. Рев колонок накрывает пляж, будто лавина, подхватывает мой голос и уносит в тишину.

Мне казалось, что я справлюсь самостоятельно. Что я умнее их, что я смогу разобраться, что за тьма живет на этом острове, и сделать так, чтобы она никому больше не навредила.

Но нет.

Это была ошибка. Довериться не тому человеку. После всего, что случилось, нельзя было поступать так опрометчиво.

На мою спину ложится чья-то ладонь. Прикосновение легкое, и я знаю, как это будет выглядеть, если нас увидит кто-нибудь, решивший уйти с вечеринки и оказавшийся в дальней части пляжа. Двое тусовщиков сбегали, чтобы насладиться уединением при луне. Это настолько далеко от правды, что я почти улыбаюсь, бурлящая во мне эйфория почти рассеивается.

Но не до конца.

Потому что я знаю, что эта ладонь означает. И чувствую то, чего остальные — там, поза-

ди меня — не чувствуют. Легкий укол ножа, приставленного к моей поясице.

Прямо у меня над ухом раздается голос, холодный и резкий, музыка его почти не заглушает.

— Вперед. Шевелись.

Я смотрю перед собой на море, которое тянется до самого горизонта, черные волны блестят в свете луны, полной и круглой, как беременный живот. С тех пор как я здесь, этот вид открывался мне не раз — такой красоты я раньше не видела.

Я подчиняюсь и иду. Что мне еще остается?

Басы, рвущиеся из колонок в баре, с каждым шагом стихают, и наконец я оказываюсь так далеко, что музыка звучит лишь в воспоминаниях. Веселящаяся толпа осталась позади, эта часть пляжа погружена в темноту, магазины давно закрыты. Единственный источник света — россыпь звезд над головой.

Я чувствую, как вода лижет мне ступни, и снова оглядываюсь. На таком расстоянии люди кажутся размытыми пятнышками, но я все еще могу различить их трущиеся друг о друга тела, которые силятся почувствовать хоть какую-то близость. Несмотря на хаотичность — из-за наркотиков и алкоголя все натываются друг на друга, — их неоновые движения не лишены красоты.

Я уже давно не ощущаю ничего, кроме холода, хотя эти последние несколько дней к коже липла типичная для острова влажность. Говорят, что ярость обжигает, но моя сидела в животе, твердая, как лед, и замораживала вены. Все мои мысли были только о мести. Никогда еще у меня не было такого острого желания причинить боль.

Но теперь, когда море гладит мои колени, а я, находясь так далеко от остальных и глядя, как они танцуют на пляже в отблесках лунного света, чувствую, что лед ярости наконец тает, прежнее легкое головокружение возвращается.

Чувствовала ли она то же, что и я? Осознание того, как ценна жизнь, которое приходит, когда ее конец уже близок.

Больше я не успеваю ни о чем подумать: ноги перестают двигаться, на моей спине теперь не одна ладонь, а две, и меня силой толкают лицом в воду. Падая, я хватаю ртом воздух, а потом ударяюсь лбом о камни, которыми усеяно морское дно. Но это не все. Меня крепко хватают за шею, удерживая голову под водой, чужие ноги крепко сжали мои бедра, не давая подняться. Я сопротивляюсь, но мой противник почти не двигается. Я скидываю руки, чтобы за что-нибудь ухватиться, но меня словно бы укутали тяжелым одеялом. Наконец я сжимаю пальцами чужие запястья и провожу по ним ногтями так сильно, как

только могу. Но вода все смягчает, и царапин почти не остается.

Соленая вода жжет глаза, и я поневоле их открываю. Мимо, ловко уворачиваясь от выходящих у меня изо рта пузырьков, снуют рыбки: их, очевидно, не волнует, что жизнь вытекает у меня из легких.

Мои руки разжимаются и опускаются, будто мышцы раньше мозга поняли, что сопротивляться бесполезно. И я, как и много раз после того, как она ушла, снова представляю себе ее. Это из-за нее я здесь. Из-за нее мне пришлось всем пожертвовать.

Это о ней я думаю, когда красота воды растворяется в черноте.

1

Касс

Четырнадцать часов назад

Номер в отеле уже пахнет смертью. Я знаю, что на самом деле еще слишком рано, что тело еще даже не начало разлагаться. Но этот нутряной, тошнотворно-сладкий запах все равно заползает мне в ноздри. Из порезов на стопах сочится что-то густое и влажное, и время словно бы останавливается, когда я вижу, как волокна ковра пропитываются кровью. В каждой капле — частички меня, они останутся здесь надолго, когда меня уже не будет.

Вдруг надо мной нависает крупная фигура. Я чувствую в руке что-то тяжелое и твердое — нож. Перевожу на него взгляд и в свете лампы вижу субстанцию цвета ржавчины, которая покрывает острое лезвие. Кровь. Моя кровь.

Я пытаюсь перевести дух, понять, что происходит, восстановить картину. Но, прежде чем мне это удастся, моя рука будто по сво-

ей собственной воле движется вперед, яростно и отчаянно. И вот оно. Лезвие встречается с плотью. И это ощущение приятно.

У меня вырывается крик, я слышу его как будто со стороны.

— Тише, тише.

Я прижимаю ладонь ко рту и распахиваю веки. И смотрю прямо в глаза Логана, в океанские волны его радужки.

— Я здесь, Касс. Ты дома. Все нормально, — успокаивает он.

Постепенно я замечаю руки Логана на своих щеках, его обеспокоенный взгляд, его сильный шотландский акцент. Я делаю глубокий вдох через нос, знакомый запах соленого воздуха заполняет ноздри. *На два счета вдох, на два счета выдох.*

— Кошмар приснился?

Я чувствую, как в затылке накапливается боль, и не сразу понимаю, о чем спрашивает Логан.

— Да, наверное, — мямлю я.

Он не знает, какие ужасы я видела во сне каждую ночь весь первый год после того, что произошло в том отеле. Подсознание бесконечно прокручивало воспоминание, которое с каждым разом становилось все более мрачным, пугающим. Когда я приехала на Санг, на некоторое время это прекратилось, но теперь, спустя почти три года, разум снова начал воз-

вращаться к тем событиям, и кошмары тоже вернулись — еще более мрачные и реальные.

— Что тебе снилось? — спрашивает он.

Сердце у меня до сих пор колотится, и я вытираю со лба бусинки пота. Заставляю себя дышать медленно, используя прием, которому учу других. *Вдох, один, два, выдох, один, два.*

— Не помню, — вру я.

Я с удивлением обнаруживаю, что вожу кончиками пальцев у себя над сердцем, там, где неровная кожа стала мягкой и стянутой. Логан думает, что это из-за аварии, в которую я попала, когда училась в колледже. Что мне в грудь вонзился осколок ветрового стекла. Что я выжила, но та авария оставила меня сиротой, одним разрушительным махом отобрав у меня двоих — и единственных — родных людей. Он так думает, потому что я заставила его так думать.

Я убираю руку от груди, чтобы не привлекать к шраму лишнего внимания.

Озабоченность на лице Логана постепенно сменяется его фирменной улыбкой: губы открыты, один уголок рта поднимается чуть выше другого, синие глаза начинают искриться. Подбородка касается прядь, которая выбилась из небрежного хвостика, и при виде ее в животе у меня что-то трепещется.

Он наклоняется еще ближе к моему лицу.

— Ну, что бы тебе там ни приснилось, это не по-настоящему. А знаешь, что по-настоящему? — поддразнивает он.

Он подносит мою левую руку к губам, проводит ими по костяшкам, и я отчетливо вижу золотое кольцо, которое со вчерашнего вечера навсегда поселилось на моем безымянном пальце.

От этой мысли по спине до сих пор бегут мурашки. *Он — мой. Я — его. Больше нам никто не нужен. Остальное неважно.*

С его лица мой взгляд опускается на точно такое же кольцо, висящее на цепочке у него на шее, поверх татуировки на груди.

Я вспоминаю вчерашний вечер, позволяя приятным впечатлениям изгнать остатки вызванной кошмаром паники. Логан протянул мне красную коробочку, а потом осторожно вытащил прятавшуюся под футболкой цепочку с кольцом. Время как будто застыло, и мой мозг слегка дал сбой: увидев, как Логан опускается на колено на виниловое покрытие в нашем дворе, я сначала не поняла, в чем дело. Он идеально подгадал момент: солнце как раз опускалось в море, огненный шар тонул в воде, и небо пылало розовым и переливами голубого.

Прежде чем надеть кольцо на палец, я подержала его на ладони.

— Посмотри, что на внутренней стороне, — сказал Логан. Я посмотрела: там изящным курсивом были выгравированы наши слова. Слова, которые мы говорим друг другу каждый вечер перед сном или когда расстаемся. Наша версия фразы «я люблю тебя».

— Мы двое навсегда, — едва выдавила я: горло перехватило от нахлынувших чувств.

— Мы двое навсегда, — повторил Логан. — Теперь официально.

Этого мгновения я ждала с тех пор, как познакомилась с Логаном два года назад. Увидев его впервые, я поняла: он — тот, кто спасет меня.

Логан продолжил, и на глазах у меня выступили слезы:

— Касс Моррис, ты для меня — все. Когда я был подростком, я мечтал, что встречу кого-то такого же любящего и понимающего, как ты, на кого я всегда смогу положиться и кому смогу доверять. Не могу поверить, что встретил тебя. Я, наверное, самый везучий парень на свете.

Я могла только кивать и слушать, сквозь ресницы брызнули слезы. Я с трудом сглотнула и попыталась полностью насладиться моментом, попыталась притвориться, что я действительно та милая, застенчивая, преданная девушка, которую он полюбил, а не та девочка, что была три года назад в том номере в отеле, — девочка, которая смела бы с пути кого угодно, лишь бы выжить.

Сейчас, лежа в нашей кровати, я подаюсь к нему: мне хочется ощутить его губы на своих. Но как только мы ими соприкасаемся, в спальню врывается шум.

Бам, бам, бам.

Я чувствую, как тело деревенеет, мускулы напрягаются.

— Это просто в дверь стучат, — говорит он, хмурясь, в его словах читается вопрос.

— Точно, — поспешно говорю я, надеясь, что он не заметил моего смущения. — Просто этот сон казался таким реалистичным.

Логан переворачивается на бок и подвигает ноги к краю кровати, собираясь встать.

— Нет, ты лежи, — говорю я. — Тебе только днем на работу, а у меня и так будильник сейчас зазвонит. Это, наверное, Грета принесла подарок на помолвку. Ты же ее знаешь.

Я уже представляю, как она стоит на пороге, готовая кинуться на меня с объятиями и затараторить, как трудно ей было держать все в секрете так долго. Я вспоминаю, что Грета недавно пережила расставание, и чувствую легкий укол жалости. Элис без всякого предупреждения и без видимой причины взяла и бросила ее и всю ту жизнь, что они построили на этом острове. Но я отбрасываю эту мысль. Сегодня утром нужно праздновать. Хоть раз я заслуживаю быть счастливой.

— Посмотрите только. Вот она, лучшая невеста, о которой я только мог мечтать, — гово-

рит Логан. От его слов в животе поднимается теплая волна, и я легонько целую его улыбающиеся губы и подбираю брошенную у кровати одежду — последствия вчерашней ночи. Натягивая футболку Логана, я на миг останавливаюсь, чтобы посмотреть в панорамные окна, расположенные по всему периметру нашей спальни: из них открываются безграничные виды на сияющее, усеянное горами море.

Как и всегда, от красоты у меня захватило дух. Мы переехали в этот дом год назад, когда каждому из нас надоело жить как раньше: Логан снимал в Кумвите квартиру с Нилом и Дагом, а я жила в одном из номеров, которые Фредерик сдает персоналу курорта по сниженной цене. Увидев, что этот дом продается, мы поняли, что просто обязаны подать заявку на покупку. Это один из немногих домов, которые находятся так высоко на холме, прямо рядом с тропой на Кхрум-Яй. Но все решил вид: остров как на ладони, будто он весь наш. И в каком-то смысле так и есть. Санг — наш дом, притаившийся в Сиамском заливе, довольно далеко от других популярных островов, так что толпы туристов еще не успели его испоганить, в отличие от соседних Пхангана и Самуя.

Сегодня море выглядит спокойным. Это хорошо, учитывая, что сезон дождей все еще в разгаре. С погодой каждый день лотерея. Но солнце уже встало над водой и уверенно поднимается выше в безоблачное небо.

Я прохожу через гостиную и миную совмещенную с ней кухню. С каждым шагом жду, что стук раздастся снова, но Грета, кажется, сдалась. Или услышала, что я уже иду.

У двери я останавливаюсь, чтобы пригладить волосы, и надеюсь, что они не выглядят так, будто я только что выкатилась из кровати, хотя так оно и есть. Не стоит слишком уж явно демонстрировать Грете нашу предсвадебную идиллию. Открывая, я улыбаюсь, готовая изобразить удивление Гретиным приходом.

Но на пороге никого нет.

Я выхожу из дома, влажность моментально липнет к коже. Может, Грета решила, что нас с Логаном нет дома, и уже уехала? Я смотрю на крутой склон холма, который спускается к другой части острова. Если она уехала, я бы как минимум увидела, как она несется с холма на байке, но дорога пуста.

В недоумении я морщу лоб. Захожу обратно в дом и думаю, не написать ли Грете, но задеваю что-то ногой. Что-то маленькое, что я перешагнула, даже не заметив. Простой белый конверт, на котором мелкими заглавными буквами написано мое имя — КАСС — вроде бы не Гретиным почерком. Но, должно быть, почерк все-таки ее.

Значит, вот в чем дело. Она, видимо, положила конверт на порог, постучала и быстро уехала, чтобы не тревожить нас. Я снова улыбаюсь.

Я беру конверт, несу в дом и останавливаюсь у кухонного стола, чтобы его открыть. Он такой легкий, как если бы внутри была открытка, но, зная Грету, можно предположить, что там что-то более существенное. Может, билеты в какую-нибудь новую страну? Когда дело касается подарков, она иногда чересчур увлекается.

Я жадно разрываю конверт, даже не думая подождать Логана. Мне не терпится удивить его, что бы ни было внутри.

Открыв конверт, я вижу, что внутри всего лишь сложенный лист бумаги. Заинтригованная, я разворачиваю его.

И сразу же роняю на стол, пальцы зудят, как будто я обожглась. Я инстинктивно отхожу назад, подальше от развернутого листа, сердце бьется все быстрее, мысли скачут. Я делаю несколько неловких шагов и хватаюсь за стул.

Все это время мой взгляд прикован к листу бумаги, к черно-белой фотографии девочки, которая безумно смотрит на меня, распахнув глаза, на лице — виноватое выражение. Репортеры и операторы устремляются к ней со всех сторон, выволакивая на арену медиа-цирка.

Фотография окружена целым морем плотных черных букв, других изображений на газетной странице нет.

Вверху — надпись красным маркером.

Я знаю, кто ты.

Ниже, под статьей и фотографией, — еще одна.

И скоро узнают и все остальные.

Когда смысл этих слов наконец укладывается в голове, я чувствую, как в горле поднимается желчь. Все, чего я добилась за последние два года, — новая личность, новая семья, новая жизнь — рушится.

— Это Грета? — кричит Логан из спальни.

С первой попытки ответить не удастся. Всякий раз, когда я открываю рот, звук застревает в дыхательных путях. В глазах чернеет, и я снова оказываюсь в том номере. В руке нож, на лезвии — моя кровь.

— Нет... Никого, — наконец выдавливаю я, молясь, чтобы Логан не заметил, как дрожит мой голос. — Грета, видимо, не дождалась.

— Отлично, — говорит он. — Тогда возвращайся в постель. Мы еще не закончили праздновать.

Я иду как будто в трансе, останавливаюсь на кухне, чтобы свернуть лист и засунуть в ящик со всякой ерундой, под стопку меню из ресторанчиков, где Логан точно его не найдет. Этот лист нужно уничтожить, но мне отчасти хочется увидеть его снова, на свежую голову. Разобраться, как такое могло произойти.

Даже теперь, когда я не вижу этих слов, они словно выжжены у меня в мыслях. *Я знаю, кто ты.* И везде, куда ни глянь, фотография той девочки.

Той версии меня, которая давно осталась позади.